

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. АРХЕОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ СИДАМОНТА ПО «ПАМЯТНИКУ ЭРИСТАВОВ»

Р. Г. Дзаттиаты

Средневековая грузинская рукопись «Памятник эриставов», или «Хроника ксанских эриставов», содержит немало сведений о средневековой истории части современной Республики Южная Осетия. В первой части «Хроники», составленной монахами Ларгвисского монастыря, отражены события, отстоявшие от времени написания текста (начало XV в.) более чем на 8-9 столетий. «Хроника» сохранила предание об исходе рода Эристовых из северной части Алании-Осетии после неудачной попытки перехватить власть у Царазоновых. Частично отмечен и путь следования изгнанников-переселенцев — перевал Закка, или Сбайыфцаг, и далее в Едыс — в Верхнюю Двалетию, или Урстуалта. В «Хронике» обозначены места временного и постоянного проживания колонии беженцев в разных пунктах Двалетии среди двалов. Сперва руководители колонии именовались Бибилури — Бибылта, по имени старшего царевича, а затем Квенипневели или Ларгвели — по названию местности выделенной им резиденции. Последние зафиксированы даже с добавлением обретенного титула — «эристави». Первое название (Бибылта) сохранилось у осетин, а второе — у грузин (Сидамон-Эристави). Они вошли в грузинскую феодальную структуру как видные представители феодальной знати. На местах проживания переселенцев археологами обнаружены погребения с характерными элементами экипировки знатных воинов — пояса с набором, указывающим на особый статус в воинской иерархии алан. Зафиксированные в погребениях деформированные черепа также указывают на алан, у которых искусственная деформация черепа была распространена в раннем средневековье и являлась социальным маркером. После утверждения восточно-грузинским монархом власти Сидамоновых-Эриставовых в ущельях р. Ксани вновь появившиеся грузинские феодалы в последующие века принимали самое активное участие в военно-политических событиях, происходивших в Грузии. Эриставы сохранили память о своем осетинском «аристократическом» происхождении и именовались в последующие времена Сидамон-Эристави.

Ключевые слова: Хроника эриставов, переселенцы, Сидамонта, Царазонта, Ростом, Бибил, цитлосан, Ларгвис, поясной набор, двалы, аланы, осетины.

The medieval Georgian manuscript «The Monument of the Eristavs», or «The Chronicle of the Ksanian Eristavs», contains a lot of information about the medieval history of the part of the modern Republic of South Ossetia. The first part of the «Chronicle», composed by the monks of the Largvis monastery (early XVth century), reflects the events, which predate the time of their written record for more than 8-9 centuries. The «Chronicle» preserved the legend of the exodus of the family of the Eristavs from the northern part of Alania-Ossetia after an unsuccessful attempt to intercept power from the Tsarazons. The route of the expellees-resettlers is partly marked — the Zakka pass, or Sbajyftsag, and further to Edys — in the Upper Dvaletia, or Urstualta. The «Chronicle» indicates the places of temporary and permanent residence of the refugees' colony in different parts of Dvaletia among the Dvals. Firstly, the leaders of the colony were called Bibiluri — Bibylta, by the senior prince's name, and then Kvenipneveli, or Largveli, by the local name of the residence provided to them. The latter ones are fixed even with the addition of the acquired title — «Eristavi». The first name (Bibylta) was preserved among the Ossetians, and the second — among Georgians (Sidamon-Eristavi). They

entered the Georgian feudal structure as prominent representatives of the feudal nobility. At the places of residence of the immigrants, archaeologists discovered burials with characteristic elements of equipment of noble warriors — a belt with a set indicating a special status in the military hierarchy of the Alans. The deformed skulls found in the burials also point to Alans, whose artificial cranial deformation was widespread in the early Middle Ages as a social marker. After the approval of the Sidamon-Eristav's power in the gorges of the Ksani River by the Eastern Georgian monarch, the newly-born Georgian feudal lords took active part in the military and political events that took place in Georgia in the following centuries. The Eristavs preserved the memory of their Ossetian «aristocratic» origin and were called in later times the Sidamon — Eristavi.

Keywords: *Chronicle of the Eristavs, settlers, Sidamons, Tsarazons, Rostom, Bibil, citlosan, Largvis, belt set, Dvals, Alans, Ossetians.*

Известный грузинский письменный памятник средневекового периода «Хроника ксанских эриставов», или же «Памятник эриставов», повествует о родословии ксанских эриставов, включая политические, военные и прочие перипетии этого могущественного феодального рода [1]. Казалось бы, в многочисленных исторических исследованиях рассмотрены все эпизоды, приведенные в «Хронике», даны оценки и интерпретации, но текст «Хроники» все еще позволяет по-иному интерпретировать те или иные сведения. Как отмечает один из исследователей источника С. С. Какабадзе, памятник датируется началом XV в. и создан монахами Ларгвисского монастыря. По некоторым косвенным данным рукопись была составлена не ранее 1405-1406 гг., но не позднее 1410 г. [1, 12]

Сама «Хроника» («Дзегли Ериставта») состоит из девяти пергаментных листов и у нее не имеет начала и конца. Рукопись неоднократно переписывалась, и ее перевод осуществлен по копии 1828 г. «Хроника» предназначалась, скорее всего, для рода Эристовых или для одного из них, по-видимому, для Вишеля — одного из известных феодалов Эристовых.

В «Хронике» описаны многие исторические события — войны, походы, а также отмечаются исторические деятели. Много подтверждается другими источниками — это походы Тимура в Картли и борьба с ним Георгия VII и пр.

Полагают, что начальная часть «Хроники» составлена по преданию, а вторая

— более достоверна и исторически выдержана. Наибольший интерес для нас представляет именно первая часть, которая, хоть во многом невнятна, содержит любопытные детали.

«В эти в [ремена] была великая смута в стране Осетской и обильно проливалась кровь царей осов. Оказались победителями сыновья старшего брата и перевели (через) гору Захскую детей младшего — Ростом, Бибилу, Цитлосана и сыновей их с семьюдесятью добрыми рабами и привели в страну Двалетскую» [1, 21].

Судя по тому, что изгнанными оказались Ростом и Бибил из рода Сидамоновых, то скорее всего конфликт «в стране Осетской» произошел между Царазоновыми и Сидамоновыми — двумя наиболее могущественными осетинскими родами, и в результате победы Царазоновых верхушка Сидамоновых была вынуждена покинуть территорию и отказаться от привилегий, на которые претендовала. (Об имени *Сидамон* см.: [2, 102-105]).

Что касается «Цитлосана», упоминаемого в «Хронике», то, как оказалось, это не имя, а ритуал: «цитлосани» по-грузински означает «одетый в красное», т.е. «порфиноносный», и относится, по всей вероятности, к Бибилу, а не к Ростому. Недаром потомки его носят фамилию Бибилури — *Бибылтаѣ* [3, 88]. Ростом и Бибил с семьями (упоминаются их сыновья и, надо полагать, жены их тоже оказались изгнанными) были не одиноки: их сопровождали семьдесят добрых рабов. Это конечно не «рабы», а скорее всего

дружина или личная гвардия Бибила. На это указывает эпитет «добрые» («добрый молодец» — это вовсе не «добреный молодец», а дельный, усердный) [4, 443]. Поэтому «добрые рабы» — это надежные подчиненные, что вполне применимо к воинской группе, сопровождавшей изгнанных претендентов на верховенство в Осетии. Надо полагать, что это были хорошо вооруженные, умелые и испытанные воины.

Путь следования изгнанников отмечен в «Хронике»: преследователи царевичей «перевели (их) через Захскую гору». Наиболее подходящий для этого пункт через Закка — Захская гора, т.е. перевал *Захъхъайы 'фцаг* (ныне *Сыбайы 'фцаг*), по-осетински — *Захъхъайы 'фцаггай са ахизын кодтой*), и оттуда «в страну Двалетскую» — нынешнее Урстуалта [1, 21].

Далее в «Хронике» приводится пассаж о реакции двалов на пришествие изгнанников. «Тогда собрались все двалы и сказали: «Не хотим иметь царя, сидящим в стране нашей, ибо объест (он) нас». Они же, поклявшись крепко, [*ард бахордтой*], сказали: «Не будем называться царями, а (именем) страны той, которую дадите, именем ее (и) будем называться». Тогда дали страну Бобалетай и назвали их Бибилурами» [1, 21]. Однако в Урстуалта нет местности с названием *Бобалетай*, и пришельцы стали именоваться по имени старшего — *Бибылтаг*, по-грузински — *Бибилури*. «И начали [Бибилури] строить крепости и дома огромные, подобных которым не было в стране Двалетской» [1, 21].

Двалы явно почувствовали угрозу своей независимости от возможных захватчиков, в особенности от их строительной активности. «Тогда узнали [об этом] двалы, собрались и сказали: «Видим, с какой целью цари эти осы начали строить, и хотя [мы] нарекли их Бибилурами, но имя это не скроет род [и] происхождение их; и через немного [времени] завладеют всей страной нашей; а [мы] до [того, как у них] появятся птенцы и опе-

рятся, изгоним двуглавого змия из утробы нашей» [1, 21].

Указание на строительство «огромных домов» не было преувеличением, ибо исследовавшееся Царциатское городище у с. Едыс — это именно руины более шести десятков домов. Пять из них раскопано, и они внушительны: примерно 10×10 м³ [5, 12]. Видимо, строились дома не только для верхушки переселенцев, но и для «добрых рабов» — дружинников, которые тоже, надо думать, были с семьями и нуждались в жилье. Судя по могильнику у подножия поселения, проживание пришельцев было долговременным: в 14 раскопанных грунтовых могилах зафиксировано не менее 34 костяков [6, 9-23].

Материал, добытый в могильниках, — это глиняные и стеклянные сосуды, пряжки, поясные наборы, фибулы, геммы, серьги, бусы и др., имеющие многочисленные аналогии в аланских памятниках и характерные для VI-VII вв. [6, 50].

Обеспокоенные двалы «взяли и посадили их в ущелье Исроли, в Накапуани, Ростомы и всех братьев и рабов его» [1, 21]. В этом отрывке Бибил уже не упоминается, что совершенно невероятно, ибо он по старшинству был родоначальником фамилии. Так как Бибил больше не упоминается в «Хронике», он, вероятно, умер или погиб еще во время пребывания в Едысе. Косвенно об этом могут говорить находки в Едысском и Нижнеалевском могильниках. В Едысском могильнике в погребении № 12 был найден поясной набор из серебряной пряжки и серебряными поясными накладками, что квалифицируется как знак высокопоставленности в воинской иерархии алан [2, рис. 17, 20]. Точно такая же пряжка почти с подобным поясным набором была зафиксирована в погребении № 23 Алевского могильника [7, табл. XIII]. Оба поясных набора сигнализируют о высокопоставленности их обладателей.

Погребение № 12 Едысского могильника — это разрозненные и перемешан-

ные останки двух-трех погребенных. В могиле найдены следующие предметы: серебряная пряжка с язычком и щитком из листового металла, двусторонняя портупейная пряжка, миниатюрная серебряная пряжка (от подколенной подвязки?), серебряная поясная пряжка и детали поясного набора (рис. 1), серебряная арбалетная фибула с железной иглой, золотые предметы украшения — привеска-медальон с сердоликовой вставкой, наверхие головной булавки в виде полого шарика с рожками-обоймами, в которые вправлены полусферические гранаты, обоймицы с сердоликовыми вставками, незамкнутое колечко из проволоки круглого сечения с пирамидкой из зерни — имитацией виноградной грозди. Кроме того, серебряные серьги в виде калачика, бронзовые стержневые булавки с гранатовыми и зерновыми навершиями, гранатовые, халцедоновые, сердоликовые, янтарные и стеклянные бусы [6, рис. 17].

В Алевском могильнике в погребении № 23 обнаружены костяки взрослому мужчине и ребенку. Среди инвентаря — серебряная поясная пряжка с набором в виде накладок, мелких язычков и концевой ремешковой пряжки — все из серебра (рис. 2). Кроме этого — бронзовая и железная арбалетные фибулы, перстень, мелкие стеклянные бусы (по-видимому, принадлежавшие ребенку) и серебряная сасанидская монета Пероза (459-484) [7, табл. XIII].

Оказавшись в Исрольском ущелье, изгнанники быстро втянулись в боевые действия на стороне приютивших их жителей Цхразмисхевцев, и те, при внушительной поддержке профессионалов-воинов, одержали победу над сильным врагом. Вот как это описано в памятнике: «В то время цхразмисхевцы сражались с крепостью Груиси пять месяцев. Тогда Ростом подошел, [чтобы] помочь им. А в тот день [груисцы] трижды гнали с боями до горы крайне утомленных и израненных цхразмисхевцев. Тогда пришел [туда]

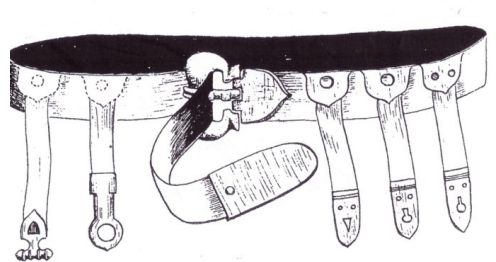

Рис. 1. Пояс из Едысского могильника (реконструкция)

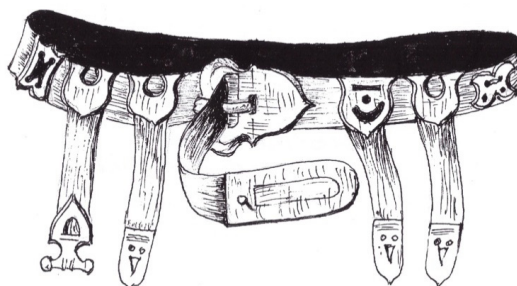

Рис. 2. Пояс из Алевского могильника (реконструкция)

Ростом с братом и семьюдесятью рабами, и [он] предводительствовал [ими], рыцарством подобный льву и смелостью подобный тигру и проворством подобный барсу. И подошел он и все войско [его] к крепости той и сразились в битве жесткой, подобной которой никогда не видавали. И в тот день взяли крепость верхнюю, а груисцы укрепились в двух крепостях нижних и положили быть миру. И в ту ночь выступил Ростом и отобрал обе крепости. И как рассвело, [они] разрушили те крепости со всеми их стенами и строениями» [1, 22].

Цхразмисхевцы готовились отблагодарить Ростом за столь действенную помощь. И в это время некий Ларгвийский старец надумил Ростом просить или требовать у благодарных цхразмисхевцев право хоронить своих покойников в Ларгвисском монастыре. «Сказал народ Ростому: «Что угодно [тебе], чтобы мы сделали ради тебя?» Он же потребовал [себе] усыпальницу в Ларгвиси и дом для пребывания

[своего] среди детей храма, а в Цхразма вотчину... И дали все это цхразмисхевцы в центре Цхразма, селения и земли, бывшие во владении цихистави, усыпальницу в Ларгвиси и резиденцию в Квенипневи и назвали Ростом [и его братьев] Квенипневели, ибо другого имени не пожелали» [1, 22-23].

Другими словами, Ростом и его братья добились не только главенства в Исрольском ущелье, но и легитимировали свое положение путем признания их права на использование Ларгвисской усыпальницы, сосредоточив в своих руках и светскую, и духовную власть.

Теперь нужно было это оформить в государственном монастыре. По «просьбе» народа обратились к царю, и царь повелел: «Чьей могиле подобаает наивысшая почесть, тому и принадлежит по праву церковь и управление по справедливости» [1, 23].

После смерти Ростом-эристава наследником стал его сын Ларгвели (Ларгвисский), но уже не как эристав, а эристав эриставов. С него и начинается возвеличение Ксанских эриставов, а затем и интеграция их в грузинскую феодальную элиту.

Представляется, что требование Ростом о выделении ему места для упокоения в Ларгвисском монастыре было удовлетворено только для его сына, ибо Ростом именовался еще *Квенипневели* (т.е. Квенипневский — по названию местности, где ему определили резиденцию), а сын его уже позже стал именоваться *Ларгвели*, т.е. Ларгвийский («Хроника» не называет его имени.)

Утверждение Ростом эриставом «царем Юстинианом», скорее всего, относится ко времени правления Юстиниана I (565-577), что совпадает с датировкой могильников VI-VII вв. (В Алеви есть монета и более раннего времени, однако датировка нумизматического материала, как известно, не всегда соответствует времени погребения). Точная дата этого

события к XV в., времени составления «Хроники», могла уже забыться. Что же касается упоминаний Ростом первым, а Бибила вторым, то, скорее всего, это выражение подобострастия со стороны составителей «Хроники», ибо писалась она для потомков Ростом и Ларгвели, и подчеркивание главенства Ростом считалось даже хорошим тоном.

Интересен вопрос о первом пункте обретения места жительства изгнанных «царевичей». Почему они остановились в Едысе? Возможно, местные жители — те же двалы, близкие к Сидамоновскому роду. Ведь они ушли не в верховья Ардона, не остались в Сба, Згубире или в другом месте, а почти целенаправленно пришли в Едыс (*Урстуалта*). Можно предположить, что ниже *Урстуалта* была территория *Агъуызатæ*, т.е. *Цæразонтæ*, и именно *Цæразонтæ* вытеснили Сидамоновскую верхушку через перевал (рис. 3). Иначе говоря, беженцы чувствовали себя в *Урстуалта* в большей безопасности, чем в другом месте, ибо надеялись на лояльность урстуальцев.

Но, как оказалось, напрасно. Урстуальцы тоже постарались со временем избавиться от агрессивной группировки.

А что скрывается под названием Цхразмисхеви? Ведь по-грузински *цхрадзмисхеви* означает «ущелье девяти братьев» и напоминает тех «Девятерых братьев», которым принадлежало ущелье в центре Осетии — в Касара («Нас было девять братьев...» — сказано в надписи Нузальской часовни).

Возможно, что и ущелье р. Ксан входило какое-то время во владения легендарного Ос-Багатара — отца «девяти братьев», и, вероятно, там тоже жили осетины-двалы, сохранившие топонимическое название *Цхрадзмисхеви* — «Ущелье девяти братьев».

Вряд ли Сидамоновы могли оказаться на чужой территории, и не в пустыню же выгнали их Царазонта. Возможно, территории эти не принадлежали никому, т.е.

Рис. 3. Схема следования Сидамонта

там проживало свободное население. Некоторое недоумение вызывает и легкость, с какою оказались Сидамоновы в ущелье Исроли — в верховьях р. Ксан. Невероятно, что они вторглись, хоть и не по своей вине, во владения восточногрузинских царей, ибо такое не прощалось. Так как двалы были «свободными», то и Сидамоновы вполне могли поселиться между ними, не беспокоясь о чьих-либо посягательствах на свою свободу, пусть даже со стороны картлийских царей.

Как оказалось впоследствии, на занятые Сидамоновыми территории претендовала грузинская царская власть. Но к тому времени Сидамоновы успешно обосновались на новом месте, легитимировались благодаря успешным боевым действиям в борьбе с Груисцами на стороне Цхрадзмисхевцев и почетному праву быть упокоенными в почитаемом Ларгвисском монастыре, к завершению строительства которого они приложили немалые усилия. Одним словом, они получили моральную и физическую поддержку населения. И тем не менее, они стали вновь «строить большие крепости и дома».

Верховная власть вынуждена была их признать, тем более что Сидамоновы приняли «новые правила игры» — стали именоваться *квенипневели*, обязались верно служить царям, участвовать в военных действиях и т.п., и царская власть достойно отмечала их рвение, награждая землями и давая почетные титулы. Так Сидамоновы вошли в высшие слои грузинского общества. В то же время они не забывали, что они *Сидамонта*: недаром многие представители этой фамилии носят двойное наименование — «Сидамон-Эристави».

Интересно рассмотреть еще один вопрос: кто был информатором о деяниях предков эриставов. Скорее всего, это были потомки Бибила и Ростома, или же потомки их «добрых рабов» — дружинников. Кстати, эти потомки сохранили неприязнь к двалам-мгандвалетцам, т.е. к жителям Уртуалта, неоднократно совершая грабительские походы в их земли, но так и не покорив их. Такими сведениями хроника изобилует. Чего стоит, например, хвастливый эпизод: «Шалва направился к хеви Двалетским и опустошил все. И напали [на него] шав-двалы в ночь темную, [однако] встретили [их] поджидавшие, ибо узнал Шалва о приходе их. Тогда загнали их в ров скалистый, и ни один из них не смог уйти. И уничтожили множество двалов немалое [?]. тогда сожгли и опустошили все хеви Двалетские, и сокрушили и разрушили все крепости от Трусу до Ачабети» [1, 25]. Выходит, Двалетия простиралась с Трусовского ущелья почти до Цхинвала. Вероятно, составители «Хроники» в желании восхвалить победоносного Шалву пошли на преувеличения.

Эриставы-Сидамоновы не совсем порвали со своей исторической родиной — северной частью Осетии, ибо «Шалва привел в жены дочь царя осов» [1, 25], которая была христианкой и преподнесла Ларгвисскому монастырю «утварь цер-

ковную: золотые и серебряные чаши, подносы, лампаду и другую всякую утварь, и оправила иконы и украсила белоносную (Божьей Матери. — Р. Д.) святыми мощами и всякими украшениями» [1, 25]. Надо полагать, что монахи славословили ее не напрасно.

Интересна форма изложения событий в «Хронике». Даже через перевод чувствуется, что сведения почерпнуты из уст осетин. Так, например, «перевели через гору Захскую» звучит нейтрально, будто оказали переселенцам внимание и учтиво перевели их через Захский (Закинский) перевал. По-осетински это, скорее всего, звучало «ахизын сæ кодтой Захъайы фцæгæй», что по смыслу означает «заставили переправиться через Закинский перевал», что более соответствовало истине. Или другой пассаж: «Взяли и посадили их в Исроли», что просто невероятно. В устах осетина это звучало бы более экспрессивно: «Систой сæ æмаæ сæ амидæг кодтой Исролы комы» — «Взялись (двалы) и заставили очутиться в Исрольском ущелье».

На изложение устных преданий, рассказов информаторов указывает и частое употребление перед изложением события таких словосочетаний, как «тогда собрались», «тогда узнали», «тогда сказа-

ли», «тогда осмелился», «тогда спросил» и пр., что придавало «Хронике» характер безыскусности и достоверности. Впрочем, это, возможно, был стиль монахов, составлявших «Хронику».

Из рассмотренного материала можно сделать определенные выводы:

1. События, описываемые в первой части «Памятка эриставов», происходили на территории Алании.

2. Главными действующими лицами «Хроники» являются представители древнеосетинского, возможно, аланского, рода — *Сидамонтæ*-Сидамоновы.

3. Род Сидамоновых, их приверженцы и дружинники стали активными участниками военно-политических событий восточной Грузии.

4. Заручившись поддержкой грузинской царской власти, получив от них титул эристава, Эриставы-Сидамонидзе оказались вынужденными признать себя подданными грузинских монархов с последующим вхождением подвластных им территорий в Грузинское царство.

5. Возможно, подвластный Сидамоновым народ — это те же двалы-осетины.

6. Назвавшись Эристрадами, потомки Сидамоновых не утратили память о своих предках-осетинах и именовались Сидамон-Эристрадами.

1. Памятник эриставов // Памятники грузинской исторической литературы/Перевод, исследование и примечания С. С. Какабадзе. Тбилиси, 1979.

2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.

3. Дзаттиаты Р. Г. «Цитлосани» — хроники ксанских эриставов // Известия ЮОНИИ. Вып. XXXIII. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 43-47.

4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1.

5. Техов Б. В. К вопросу изучения средневекового «городища царциатов» в с. Едыс Джавского района // План работы и тезисы докладов научной сессии ЮОНИИ. Цхинвали, 1967.

6. Дзаттиаты Р. Г. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ, 2006.

7. Анхазова Н. И. Могильник Квемо Алеви. Тбилиси, 1988. (на груз. яз.).